

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Н.С. Фуражева

г. Москва, Россия

ОТНОШЕНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ГАЛЛОМАНИЯ И ГАЛЛОФОБИЯ

Аннотация: С самого начала XVIII в. французский язык постепенно начинает входить в обиход в среде российского дворянства. Изначально обучение французскому языку было обусловлено государственной политикой того времени. Обучение осуществляется в основном французскими гувернерами на дому или в закрытых учебных заведениях. Иностранные и русские гувернеры проходят языковую аттестацию. Французский язык начинает выполнять в русском дворянском обществе сразу несколько функций. Это язык письменной и устной коммуникации, язык образования, карьеры, науки, литературы, искусства. Французский язык и французская культура становятся необычайно популярными в русской дворянской среде со второй половины XVIII в. Возникает такое явление, как галломания. Одновременно с этим в мыслящих кругах русского дворянства ведется критика галломании и борьба за возвращение к национальным истокам и русскому языку. На рубеже XVIII–XIX вв. взаимодействие русской и французской культур переживает наивысший подъем. Различные исторические события влияли на отношение русского дворянства и всего общества в целом к французскому языку и французской культуре. Отечественная война 1812 г. и ее последствия стали причиной усиления патриотизма и вспышки галлофобии. В первой половине XIX столетия французский язык постепенно проникает в среду разночинцев и впоследствии из языка аристократии превращается в язык русской интеллигенции. Влияние французского языка на русский становится не таким значительным. Увлечение французским языком и французской культурой в среде русских дворян в XVIII – первой половине XIX в. навсегда оставило след в русской культуре.

Ключевые слова: французский язык, русское дворянство, воспитание, образование, французские гувернеры, сословная обособленность, функции французского языка, галломания, галлофобия, пуризм, Великая французская революция, Отечественная война 1812 г., патриотизм, отношение, русская культура.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Фуражева — кандидат культурологии, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1239-2286>

E-mail: furazheva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 22.08.2024

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Фуражева Н.С. Отношение к французскому языку в среде российского дворянства в XVIII – первой половине XIX в. Галломания и галлофобия // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 22–36.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-22-36>

Французский язык входит в жизнь представителей русского дворянского сословия в XVIII в., начиная со времени петровских преобразований, переживает пик популярности во второй половине столетия и первой трети XIX в., и, начиная уже со второй его половины, несмотря на довольно широкое распространение, прежде всего в сфере образования, постепенно утрачивает свою прежнюю популярность и превращается из языка дворянской элиты в язык русской интеллигенции [2, с. 138].

Первые упоминания о важности изучения французского языка для русского дворянства относятся еще к концу XVII в. Когда французский дипломат Ля Невиль посетил Москву в 1689 г., французский язык в России был еще неизвестен. Налаживая культурные связи, дипломат посоветовал сыну боярина А.С. Матвеева, тогда еще молодому человеку, выучить его, уверяя, что освоить французский язык в 22 года будет довольно легко и такое знание поможет Андрею Артамоновичу в дальнейшем удовлетворить свою страсть к чтению, так как все старые и новые авторы переведены на этот язык. А.А. Матвеев выучил французский и впоследствии подготовил визит Петра I в Париж [6, с. 29].

Сам Петр I, по свидетельствам современников, французского языка не знал, хотя хорошо владел разговорным голландским. А уже его дочери, царевны Анна и Елизавета получили хорошее языковое образование. Сначала при них состояли французженка виконтесса Лятур-Лянуа и немец Глик. Затем в 1716 г. была вызвана итальянка Марианна Маньяни, ставшая их воспитательницей. С 1722 по 1725 г. французский язык цесаревнам преподавал бывший переводчик Посольского приказа и дипломат И.П. Веселовский. В результате царевны свободно владели французским, немецким и итальянским языками. Окруженные с детства уроженками Ингрии, они также научились хорошо говорить по-шведски. Племянница Петра I Анна Иоанновна хорошо говорила по-немецки и знала придворный этикет, благодаря длительному проживанию в Курляндии. Анна Леопольдовна, правительница России с 1740–1741 г., свободно владела немецким и французским языками [4, с. 135].

Мода на французский язык и французскую культуру в среде российского дворянства начинается после прихода к власти Елизаветы Петровны. Личную симпатию к Франции императрица испытывала еще со времени первого сватовства в 1721 г. от имени Людовика XV. Именно в период ее царствования русский двор уже четко ориентировался на французский придворный этикет, на строгое соблюдение придворного церемониала в его версальском варианте. Однако, прекрасное владение иностранными языками, в то числе французским, и увлечение европейской культурой никак не сказалось на «русскости» Елизаветы Петровны, на ее любви к русским обычаям, обрядам, танцам и церковной службе [4, с. 135–136].

Важность французского языка и хорошего владения им в XVIII столетии объясняется тем фактом, что язык этот со времени царствования Людовика XIV вступил в свой «золотой век» и «толикую заслужил от всех похвалу и пред прочими языками преимущество, что его по справедливости можно именовать языком всеобщим» [12, с. 3]. Он стал средством международного общения и во многом способствовал установлению тесных контактов между европейскими народами, будучи при этом универсальным языком дипломатии и коммерции. Французский язык был общеупотребительным при европейских дворах, однако на нем общались не только придворные, но и люди науки, торговли и даже представители «самого среднего состояния». Распространению языка способствовало развитие путешествий в Европе, что превратило его знание в абсолютную необходимость для тех, кто хотел видеть разные страны и общаться с представителями различных наций, званий и социального положения [8, с. 210].

Что касается русского дворянского общества XVIII–XIX вв., необходимо отметить, что французский язык выполнял здесь сразу несколько функций, которые естественным образом были связаны между собой. Одной из самых важных была функция образовательная.

Языковая образовательная политика России первой половины XVIII столетия была довольно прагматичной и, прежде всего, направленной на стратегические задачи, которые стояли в то время перед государством. Ориентация на активное изучение иностранных языков объяснялась нарастающими по объему производственными, научными, политическими и культурными контактами с Западной Европой. Во всех государственных школах начала века, во всех элитарных учебных заведениях середины и второй половины столетия активно и в больших объемах преподавались иностранные языки, без знания которых был немислим процесс приобщения к западноевропейской культуре. Практика жизни требовала эффективного устного общения с иностранцами на родных для них языках или на универсальном для всех европейцев французском, чем объясняется большая популярность издаваемых в эту эпоху разговорников. Лингводидактика того времени была ориентирована на коммуникативный аспект обучения. Главной задачей стало обучение говорению [4, с. 56].

В России практически все дворянство признало обучение французскому языку «столько необходимым, что предварительно другим наукам, обыкновенно начинают воспитание детей с языка Французскаго» [12, с. 3]. От хорошего образования и знания французского языка зависела и успешная карьера молодого дворянина того времени.

В России XVIII столетия дворяне могли получать образование двумя способами. Большинство семей предпочитало домашнее обучение; остальные, руководствуясь семейной традицией, твердым убеждением или в силу других обстоятельств, считали лучшим отдавать детей в закрытые учебные заведения светского или военного характера. Создатели таких учебных заведений нового типа брали за образцы подобные образовательные учреждения на Западе, успешно адаптируя их идеи на русской почве [13, с. 109].

В большинстве учебных заведений этого времени французский язык преподавался исключительно французами. Например, в пажеском корпусе, готовившем кадры как для военной, так и для государственной службы, французский преподавали: В.Ф. Дефолини — с 1753 по 1759 г.; Ритгард — с 1759 г.; Морамберт и Жан Лельо — с 1785 по 1817. Здесь самое серьезное внимание уделялось качеству перевода на другие

иностранные языки и русский. В связи с этим считалось целесообразным, чтобы преподаватель французского языка знал также русский и немецкий, преподаватель русского — немецкий и французский, а преподаватель немецкого — французский и русский. Перевод на разные языки становился для воспитанников корпуса своего рода дополнительной квалификацией. Они были переводчиками в полном смысле этого слова [4, с. 52]. Значительное внимание обучению иностранным языкам уделялось и в Царскосельском лицее, где французский язык преподавал Давид де Будри — родной брат Жана Поля Марата [14, р. 210].

В Смольном институте благородных девиц, открытом в 1764 г. по инициативе Екатерины II, до 1772 г. русских преподавателей не было вообще. Все 4 надзирательницы, 12 учительниц и 17 учителей (гувернеров) были в основном французами и немцами. Таким образом, все общение и обучение воспитанниц осуществлялось исключительно на европейских языках.

Само учебное заведение было создано по образцу первой светской женской школы Европы в Сен-Сире, пригороде Парижа. Императрица Екатерина II, следуя европейским образцам, стремилась сформировать из молодого поколения дворян в России «новую породу людей» — просвещенных и гуманных личностей, всецело преданных престолу и Отечеству [13, с. 108]. По уставу в Смольный институт принимались на воспитание девочки не старше шестилетнего возраста и оставались там двенадцать лет. Встречи с родителями были ограничены. Императрица надеялась, удалив детей на долгий срок от невежественной среды и вернув туда уже развитую и облагороженную девушку, сформировать новый тип женщины, которая в свою очередь могла бы передавать привитые ей духовные ценности уже собственным детям [9, с. 8–11]. Воспитание и обучение в подобных закрытых учебных заведениях неизбежно способствовало формированию сословной обособленности. Не последнюю роль в этом играли иностранные языки, следствием чего было то, что воспитанники и воспитанницы по возвращению домой изъяснялись на них гораздо лучше, чем на родном для них русском. О важности общения в своей среде на иностранных языках дается наставление молодым дворянским отрокам еще в руководстве по этикету времен Петра Великого:

Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навывкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать... [25, с. 8].

Система домашнего обучения русских дворян также подразумевала в первую очередь иноязычное образование, которое обеспечивалось деятельностью гувернеров и частных учителей, приглашенных в основном из-за границы. Институт гувернерства последовательно развивался в России в XVIII–XIX вв. Не все приглашенные учителя были одинаково высоко образованы, некоторые из них рассматривали Россию как страну варваров и пытались разрушить нравственную связь своих воспитанников с Родиной, ограничиваясь лишь поверхностным обучением французскому языку. К тому же большинство французских гувернеров до 1789 г. были в той или иной степени «заражены» просветительскими идеями свободолюбия, а спровоцированный Французской революцией общественный резонанс, заставил мыслящих россиян задаться вопросом о разграничении образовательной и воспитательной функций иностранного языка [4, с. 66].

Пристойно ли благородному российскому дворянству быть воспитанну французскими учителями и мадамами, которые, по большей части не имея ни малейшей на то способности, из куска хлеба сюда приезжают... Болтанье французского языка содержит ли в себе все благородное воспитание? Полезно ли, чтобы французский воспитатель, без нравственности, веры и знаний, научал только детей на французском языке родителей своих пренебрегать? <...> Если язык французский нужен, то невозможно ли оному детей обучить без того, чтобы француз всем воспитанием их руководствовал? [19, с. 214–215]

К тому же в достаточной степени справедливой критике подвергалось полное пренебрежение в некоторых дворянских семьях обучением своих отпрысков родному языку. Следствием этого явилось плохое владение молодыми дворянами русской письменной и разговорной речью.

Воспитанные по моде чада российские по-русски ни говорить ни понимать не умеют, а гувернеры и мадамы о том и думать не велят, то, как постигать красоты того языка, о котором они слышали по наслышке только и то от слуг своих; ибо родители берегут своих детей от русского языка, как от моровой язвы [22, с. 47].

Екатерина Романовна Дашкова также считала недостатком слепое копирование западной образовательной модели, отсутствие обучения дворянских детей родному языку и внушения любви к Отечеству [10, с. 52]. Надо отметить, что проблема разграничения функций обучения и воспитания средствами французского, да и любого другого иностранного языка так и не была решена в XVIII в., поскольку обучение проводилось в рамках полного погружения воспитанника в воссозданную его наставником в чужой стране языковую и культурную среду своей родины.

Не все иностранные гувернеры были в достаточной степени развиты и образованы, не все обладали и высокой степенью нравственности. «А какого рода были эти педагоги, видно из указа 1755 г. об учреждении Московского университета. В числе главных причин его учреждения была та, что “великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали”» [12, с. 241]. Однако встречались и очень образованные по меркам того времени люди. Лучшие представители иностранного гувернерства не только способствовали высокому уровню языковой подготовки своих воспитанников, но и прививали им навыки хороших манер, учили правильному поведению в свете, уважению к собеседнику, формировали такие качества, как личное достоинство, духовная независимость, сословная особость [4, с. 76].

В XVIII столетии в практику начали входить квалификационные экзамены на право преподавания французского языка как для русских, так и для иностранных учителей и гувернеров. Для любого образованного европейца (нефранцуза) французский язык был первым и самым важным иностранным языком. Его изучению уделялось максимальное внимание [4, с. 70]. Именно поэтому немцы, итальянцы, русские и другие европейцы без особого страха подвергали себя экзаменам. Аттестация по одному или нескольким иностранным языкам была обязательной для всех. Французы также подвергались экзамену на право преподавания французского языка. Экзаменационной комиссией порой фиксировались факты недостаточного знания грамматики. Это говорит о том, что испытания проходили по всем видам речевой деятельности: аудированию, говорению, чтению и письму [4, с. 70].

Обучение русских дворян французскому и другим иностранным языкам в рассматриваемую эпоху давало возможность знакомиться с художественной и научной литературой в оригинале. Российскому обществу, в первую очередь дворянскому сословию, было необходимо приобщение к общеевропейским культурным и научным ценностям. Европейские учителя и ученые являлись «передаточными» механизмами в процессе диффузии рационального знания в России [1, с. 326].

Здесь необходимо упомянуть еще об одной важной функции французского языка в этот период — гносеологической. Именно французский язык во многом способствовал формированию научного мышления в России. Зачастую научные труды изначально издавались в России на французском, некоторые специально переводились на французский язык; все это объяснялось его научным авторитетом в европейской науке того времени. На французском публиковались речи профессоров и академиков Петербургской академии наук и Московского университета. Например, 29 сентября 1776 г. публичную речь в академии о производимых в России продуктах и способах поддержания внешней торговли произнес член академии наук доктор медицины, профессор естественной истории И.А. Гильденштедт (*“Discours académique sur les produits de Russie propres pour soutenir la balance du commerce extérieure”*). Опубликована она была на французском языке. Президент академии наук С.Г. Домашнев издал в 1778 г. в собственном переводе на французский «Речь о важности истории» (*“Discours sur l'importance de l'histoire démontrée par le dernier période de celle de Russie”*), произнесенную им на публичном заседании академии 29 декабря 1776 гг. [4, с. 28]

Начиная с середины XVIII в. одной из важных функций французского языка стала популяризация научной проблематики в различных отраслях знаний. Французским языком, с разной степенью свободы, владело большинство российских академиков и профессоров, как иностранцев, так и русских. Русский научный язык в этот период находился еще на стадии становления и наращивания своих гносеологических возможностей. Французский и немецкий языки осуществляли в российской науке те метаязыковые функции, которые русский язык взял на себя полностью уже в XIX в. [4, с. 28–29].

Нельзя также забывать о коммуникативной и этикетной функциях французского языка в русском дворянском обществе XVIII–XIX вв. В разговорном плане он употреблялся на самых разных уровнях: как язык межкультурной коммуникации, в придворных кругах, в дипломатической сфере, в салонах знати, и просто в повседневном общении и переписке.

Французский язык был полностью сформирован, гибок, подвижен, легок и изящен по форме; он изобилует устоявшимися оборотами, поговорками, цитатами, остротами и каламбурами, черпать которые можно было бездумно и без конца (русскому языку еще только предстояло стать таким), и позволял без труда общаться на любые темы [2, с. 136].

Французский во многом повлиял на стилистику переписки того времени. Известно, что представительниц высшего общества в XIX в. отличал образцовый письменный слог. Первопричиной послужила мода на чтение придворной переписки Людовика XIV и госпожи де Севиньи, опубликованное эпистолярное наследие которой — «Избранные письма» — русские аристократки не просто приобретали для своих библиотек, но и заучивали наизусть, употребляя ее стиль в собственной корреспонденции [7, с. 73].

Как уже было сказано, владение французским языком способствовало корпоративной обособленности русского дворянства в рассматриваемый период. Здесь проявлялась его социальная функция. Недостаточный уровень знаний в этой области стеснял светское общение и понижал карьерные возможности, поскольку слабое знание русского языка высшей аристократией было причиной того, что вплоть до середины 1820 гг. значительная часть русского делопроизводства, особенно те документы, которые исходили или подавались главному начальству департаментов, велась на французском языке [2, с. 138]. Во второй половине XVIII столетия знание французского являлось обязательным условием для службы офицеров в гвардии. Этого требовало систематическое участие гвардейских офицеров в мероприятиях царского двора [4, с. 196].

Всеобщее увлечение в русской дворянской среде французским языком, чтение французской литературы привело к усвоению новых понятий и идей, которые еще не могли обозначаться словами из родного языка, что в свою очередь способствовало проникновению в русский язык большого количества галлицизмов, которые употреблялись в речи довольно часто и не всегда к месту. Такая манера многих галломанов вызывала критику среди некоторых писателей, публицистов и общественных деятелей. На начало XIX в. приходится резкая вспышка пуристических настроений: самый приметный их выразитель — адмирал А.С. Шишков. В историю его последователи вошли с наименованием «шишковисты». Именно о нем упоминает А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин», когда дает характеристику Татьяне Лариной:

Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести...) [23, с. 150].

Свои мнения по вопросу о заимствованных словах Шишков впервые изложил в вышедшем в 1803 г. «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (второе издание — 1818 г.). «Борьба Шишкова с заимствованиями из иностранных языков велась им фанатически, с довольно дилетантской филологической аргументацией» [3, с. 229]. Активно восставал он против употребления «галлицизмов» вроде слов «дежурный» и «элегантность»; призывал заменить новые слова и понятия такие как: «оратор», «аудитория», «калоши», «биллиард» — соответственно на «краснослов», «слушатель», «мокроступы» и «шарокат» [8, с. 185]. Возвращение к «национальному языку» по мнению Шишкова должно было вернуть обществу чувство патриотизма и сплотить в Российской империи культурно разъединенных «народ» и дворянскую элиту, это казалось особенно актуальным накануне Отечественной войны 1812 г. [5, с. 227]. Впрочем, как показали дальнейшие исторические события, отсутствия патриотизма у высшего общества Шишков опасался зря: по словам князя П.А. Вяземского, «привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски» [16, с. 429].

Хотя Н.М. Карамзин тоже видел беду русского образованного общества в том, что оно поголовно хотело говорить по-французски и совершенно не думало об изучении своего собственного языка, его творчество может служить примером разумного отношения к иностранным языкам. С детства он привык к французскому языку, в его разговоре присутствовали французские слова, а литературный слог включал в себя галлицизмы и обороты, составленные по французским образцам, однако, Карамзин был писателем с большим чувством меры, в его заимствованиях это чувство ему никогда не изменяло [8, с. 283].

В своих публицистических произведениях многие консерваторы того времени призывали соотечественников иметь национальную гордость и говорить в быту на русском языке, однако на деле не всегда следовали этому призыву. Сам Шишков, хотя и использовал в общении русский язык, не противился тому, что все его родственники, жена Дарья Алексеевна и племянники говорили в его присутствии всегда по-французски [15, т. 2, с. 225]. Такую же мягкую позицию по отношению к галломании своих домашних занимал и Карамзин. По свидетельству Вигеля Ф.Ф., в семейном кругу Карамзин-Вяземских он «не слыхал <...> ни одного русского слова <...> Один только Карамзин говорил языком, можно сказать, им созданным» [18, кн. 2, с. 725].

Несмотря на негативную оценку французских заимствований в русском языке многие мыслящие представители русского дворянства напротив признавали их необходимость. П.А. Вяземский замечал:

У нас жалуются и жалуются по справедливости, на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения? Как, например, выразить по-русски понятия, которые возбуждают в нас слова *naïf sérieux*, *un esprit sérieux*? Чистосердечный, просто сердечный, откровенный, все это не выражает значения первого слова, важный, степенный не выражают понятия, свойственного другому, а потому и должны мы поневоле говорить наивный, серьезный [17, с. 41].

Можно уверенно отметить, что французский язык не только заметно пополнил словарный состав русского языка новыми понятиями и терминами, но и оказал существенное воздействие на его синтаксис и стилистическую систему. Все эти изменения благотворно сказались и на развитии русского литературного языка, что стало актуальным не только для ученых-филологов, но и для общества в целом. В России французский язык стал выполнять функции семейного, бытового общения в аристократических кругах. Возникший русско-французский билингвизм стал отличительной чертой русского дворянства [8, с. 211].

Широкое распространение французского языка в среде благородного сословия в России сопровождалось глубоким погружением в культурный контекст. На рубеже XVIII–XIX вв. процесс взаимодействия русской и французской культур переживал своей подъем. Это было естественным образом обусловлено той ролью, которую играла Франция на международной арене и той притягательной силой, которую имела французская культура для ее поклонников во многих странах мира. Франция стала законодательницей мод практически во всех сферах дворянской жизни: поведении, привычках, одежде, развлечениях, искусстве, политических воззрениях. Французская культура находила в России самый живой отклик, равнодушных к ней практически не было. Несмотря на то, что амплитуда мнений о ней была достаточно широкой (одна часть русского общества считала Францию законодательницей европейских мод и вкусов; другая — идеалом государственного и справедливого общественного устройства; третья клеймила как «рассадник республиканской заразы» и «гнездо разврата»), интерес к ней никогда не угасал [8, с. 130].

Несомненно, исторические события в значительной степени влияли на процесс взаимодействия культур. Достаточно вспомнить тот факт, что в связи с революцией во Франции Екатерина II предприняла решительные меры для борьбы с «французской заразой». Одним из ее самых известных указов по этому поводу был указ от 26 августа 1790 г., требовавший возвращения русских из Парижа. Павел усилил действие этого

указа, приказав всем русским вернуться из-за границы. Другим указом запрещался ввоз французских книг в Россию. В нем же требовалась особая клятва верности русскому престолу от всех французов, проживавших в России [8, с. 136].

Еще одним историческим событием, внесшим значительные коррективы в отношение к французскому языку и французской культуре, стала Отечественная война 1812 г. Противостояние наполеоновской армии способствовало изменениям в системе ценностей русского дворянства и его культурном самосознании. На фоне происходящих событий поднялась мощная волна патриотизма и галлофобии, которая подчас объединяла представителей дворянства и простого народа. Вызвано это было во многом поведением завоевателей на оккупированных территориях. В Смоленской, Московской и Калужской губерниях наполеоновскими солдатами творились массовые грабежи, в том числе и православных святынь — кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых, превращали храмы в провиантские магазины, конюшни и скотобойни [11, с. 26].

Особое впечатление на русское общество произвела судьба Москвы. В «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября 1812 г., составленном по достоверным данным и по Высочайшему повелению обнародованном в церквях, осуждалось подражание Франции, имевшее место накануне войны, оно признавалось ошибочным, и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов» [11, с. 26]. Подобный настрой против всего французского сказался и на отношении к французскому языку. Пристрастие к нему в военной среде стоило в начале войны жизни нескольким русским офицерам, убитым по недоразумению русскими же солдатами и крестьянами только из-за того, что их приняли за неприятелей, поскольку они говорили на аванпостах по-французски [11, с. 221].

Особенности патриотизма некоторых представителей русского дворянства описываются с юмором в произведениях 1830 гг. Подчеркивается тот факт, что если до 1812 г. все русские дворяне хотели казаться французами, то после начала Отечественной войны они так же сильно хотели быть русскими. «Патриоты» демонстративно перестали говорить по-французски, носить французские платья, посещать французские магазины и спектакли, пользоваться услугами французских парикмахеров и поваров и так далее. Таких «патриотов» изображает в своем неоконченном романе «Рославлев» А.С. Пушкин [11, с. 222]. В романе Р.М. Зотова «Два брата, или Москва в 1812 году», прекрасно раскрываются как причины массового героизма представителей дворянского сословия, так демонстрируется и перемена в отношении к французам и их языку. Отмечается, что с началом войны для проживавших в Москве французов «все двери вдруг затворились», а французский язык («это высокое наслаждение русской натуры», «эта изящная необходимость всякого порядочного человека»), который, впрочем, «вовсе не был виноват ни в нашествии Наполеона, ни в опустошениях, производимых его войсками, — он вдруг был изгнан из гостиных и зал большого света и остался только в будуарах». Автор с иронией восклицает:

Чудо непостижимое! Московские барыни даже в театре не говорили по-французски, даже на Тверском бульваре объяснялись по-русски! Хотя у многих от этого усилия болели голова и желудок. <...> А если надо было сказать друг другу слова два по секрету, следственно, по-французски, то прежде всего говорящие боязливо оглядывались и потом уже решались на запрещенный поступок [20, с. 157].

Следствием Отечественной войны 1812 г. стало появление новой лексики как в русском, так и во французском языках. Характерно, что в русском почти вся она имеет негативный, уничижительный характер. Производные от французских слов «шаромыга» («шаромыжник»), шваль, шантропа входят в употребление именно в этот период. Во французском, после разгрома наполеоновской армии на Березине, закрепилось слово “bégézin”, означающее любую катастрофу: погодную, финансовую, жизненную и так далее, а в связи с прибытием русских войск в Париж в 1814 г., появилось производное от русского “bistro” «бистро» [11, с. 222–223].

Однако, несмотря на тот патриотический порыв, который охватил русское, и прежде всего московское дворянское общество, победа в Отечественной войне 1812 г. и Заграничный поход российского воинства практически не повлияли на сокращение использования французского языка. В основном, реакция против его употребления была кратковременной и во многом поверхностной, особенно в провинции. Уже после войны снова в моду вошла французская прислуга, нанимались французские учителя и гувернеры, пополнявшие свои ряды за счет пленных неприятельских солдат и офицеров, размещенных в основном в далеких городах Российской империи [11, с. 222–223].

Уже с начала XIX в. разговорный французский язык начинает проникать из среды русской аристократии, в среду подражающего ей мелкого дворянства, а затем приобретает популярность в образованной среде разночинцев [2, с. 138]. Таким образом постепенно владение французским языком становится приметой не только представителей благородного сословия, но и русской интеллигенции.

В быту русской аристократии французский постепенно становится особенностью коммуникации с женщинами, мужчины по условиям гражданской и военной службы должны были относительно свободно обладать некоторыми видами письменной и устной русской речи [3, с. 214]. Для характеристики отношения к французскому языку в России в начале тридцатых годов XIX в. показательным является письмо П. Я. Чаадаева шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. Последний выразил Чаадаеву возмущение царя тем, что Чаадаев обратился к императору с письмом на французском языке. Чаадаев в письме от 15 июля 1833 г. оправдывается:

Полагаясь на милостивое Ваше ко мне расположение, прошу вас сказать государю, что, писавши к царю русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить государю чувство, полное убеждения. И не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал. <...> Вашему сиятельству доложу я еще, что если вступлю в службу, то в сей раз пишу по-французски в последний раз. По сие время писал я на том языке, на котором мне всего было легче писать [24, т. 1, с. 176–177].

Николай I неоднократно предпринимал попытки вернуть русскому языку его прежнюю коммуникативную функцию при дворе, однако даже во второй трети XIX в. они не всегда были эффективны. Французский путешественник в России, маркиз де Кюстин в своей знаменитой книге писал:

Реформа императора Николая затрагивает даже язык его окружения — царь требует, чтобы при дворе говорили по-русски. Большинство светских дам, особенно уроженки Петербурга, не знают родного языка; однако ж они выучивают несколько фраз и, дабы не ослушаться императора, произносят их, когда он проходит по тем залам дворца, где они в данный момент исполняют свою службу; одна из них всегда караулит, чтобы вовремя подать условный знак, предупреждая о появлении императора — беседы по-французски тут же смолкают, и дворец оглашается русскими фразами, призванными улаживать дух самодержца... [21, т. 1, с. 363].

В литературной среде в сороковые годы XIX столетия гораздо спокойнее начинают относиться к влиянию французского языка на русский и не столь многочисленным французским заимствованиям.

О французском влиянии говорят уже, как правило, без страстности, спокойно констатируют его историческую роль и не чувствуют уже необходимости с ним энергично бороться, так как, вместе с ростом национальной литературы, русский язык уже настолько вырос, что не находится под реальной угрозой засорения чужестранными ненужными словами [3, с. 237].

Подводя итоги, можно сказать, что французский язык стал не только одним самых функционально значимых иностранных языков для русского дворянства, выполняя одновременно социально-коммуникативную, образовательную, гносеологическую функции, он также стал проводником просветительской идеологии и языком международного общения. Владение русскими дворянами устной и письменной французской речью, вводившей в обиход новые идеи и понятия, которые в свою очередь обозначались новой лексикой, во многом способствовало совершенствованию русского разговорного и литературного языка. Отношение к французскому языку в XVIII – первой половине XIX в. порой менялось у разных представителей русского дворянства, оно трансформировалось под влиянием исторических событий, однако довольно широкое распространение французского языка в дворянских кругах как символа образованности и аристократизма, а также всплеск галломании в этот период навсегда оставили след в русской культуре.

Список литературы

Исследования

- 1 Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 368 с.
- 2 Бокова В. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей. М.: Ломоносов, 2018. 248 с.
- 3 Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1957. 491 с.
- 4 Воробьев Ю.К. Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007. 232 с.
- 5 Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX веков. М.: Новый Хронограф. 2014. 416 с.
- 6 Загряжская Т.Ю. Следы Франции в России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 29–42.
- 7 Летушина И.А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия. М.: Изд-во Моск. гос. областного ун-та, 2006. 254 с.
- 8 Литвинов С.В. Историческая динамика взаимодействия русской культуры с культурами стран Западной Европы (середина XVI – середина XIX вв.). М.: Книжный дом «Университет», 2008. 428 с.
- 9 Лядов В.И. Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц и Санктпетербургского Александровского училища. СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1864. 111 с.

- 10 *Маррес М.Л.* Е.Р. Дашкова и вопрос о национальном самосознании... // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. сб. ст. М.: Изд-во Моск. гос. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2006. С. 51–57.
- 11 *Мельникова Л.В., Секиринский С.С., Подмазо А.А. и др.* Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.
- 12 Романович-Славятинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. Репринтное издание. М.: Крафт+, 2003. 328 с.
- 13 *Соц И.В.* Новый лексикон или словарь на Французском, Итальянском, Немецком, Латинском и Российском языках. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1784. 667 с.
- 14 *Фуражева Н.С.* Европейская идея дворянских закрытых учебных заведений и ее адаптация в культурном пространстве России второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 109.
- 15 *La culture française en Russie (1700–1900) / ouvrage couronné par L'Academie des sciences morales et politiques.* Paris: Librairie Hachette et Cie Publ., 1913. 250 p.

Источники

- 16 *Аксаков С.Т.* Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове/ Собрание сочинений: в 5 т. М.: Правда, 1966. Т. 2. 500 с.
- 17 *Вяземский П.А.* Мемуарные заметки // Державный сфинкс. М.: Фонд Сергея Дубова, 1999. 608 с.
- 18 *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. 959 с.
- 19 *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 607–1357.
- 20 *Дашкова Е.Р.* О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 460 с.
- 21 *Зотов Р.М.* Два брата, или Москва в 1812 году. М.: Вече, 2012. 350 с.
- 22 *Кюстин де А.* Россия в 1839 году: в 2 т. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 1. 637 с.
- 23 *Плавильщиков П.А.* Нечто о врожденном свойстве душ российских. Цит. по Кулакова Л.И. Петр Алексеевич Плавильщиков. Русские драматурги. Научно-популярные очерки. М.; Л.: Искусство, 1952. 104 с.
- 24 *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 3. 515 с.
- 25 Сочинения и письма П.Я. Чаадаева: в 2 т. / под ред. М. Гершензона. М.: Путь, 1914. Т. 1. 440 с.
- 26 Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собранные отразных авторов. СПб.: [б. и.], 1717. 88 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/yunosti-chestnoe-zertsalo-ili-pokazanie-k-zhitejskomu-obhozhdeniyu/> (дата обращения: 30.03.2024).

© 2025. Natalya. S. Furazheva
Moscow, Russia

ATTITUDE TO THE FRENCH LANGUAGE
AMONG THE RUSSIAN NOBILITY
IN THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY.
GALLOMANIA AND GALLOPHOBIA

Abstract: From the very beginning of the 18th century, French gradually began to spread among the Russian nobility. Russian monarchs had an excellent language education. Initially, the teaching of French was conditioned by the state policy of the time. Teaching was mainly carried out by French governesses at home or in closed educational institutions. Both foreign and Russian governesses undergo language certification. The French language begins to fulfil several functions at once in Russian noble society. It is the language of written and oral communication, the language of education, career, science, literature, art. French language and French culture become unusually popular in the Russian nobility from the second half of the 18th century. Such a phenomenon as gallomania emerges. At the same time the intellectual circles of the Russian nobility generate the criticism of gallomania and the struggle for a return to national origins and the Russian language. At the turn of the 19th century the interaction between Russian and French cultures experienced the highest growth. Various historical events influenced the attitude of the Russian nobility and society as a whole towards the French language and French culture. The Patriotic War of 1812 and its consequences caused an outbreak of patriotism and gallophobia. In the first half of the 19th century, the French language gradually penetrates into the milieu of the commoners (*raznotchintsy*) and later from the language of the aristocracy turns into the language of the Russian intelligentsia. The influence of the French language on Russian waned. Yet the Russian nobility's fascination with the French language and French culture in the 18th – first half of the 19th century left a mark on Russian culture forever.

Keywords: French Language, Russian Nobility, Upbringing, Education, French Governesses, Class Isolation, Functions of the French Language, Gallomania, Gallophobia, Purism, French Revolution, Patriotic War of 1812, Patriotism, Attitude, Russian Culture.

Information about the author: Natalya S. Furazheva — PhD in Culturology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University, Khibinsky Pass., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1239-2286>

E-mail: furazheva@yandex.ru

Received: September 5, 2024

Date of approval by the reviewers: September 22, 2024

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Furazheva, N.S. "Attitude to the French Language among the Russian Nobility in the 18th – First Half of the 19th Century. Gallomania and Gallophobia." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 22–36. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-22-36>

References

- 1 Alekseeva, E.V. *Diffuziia evropeiskikh innovatsii v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [*Diffusion of European Innovations in Russia (18th – Beginning of 20th Century)*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)
- 2 Bokova, V. *Otroku blagochesie bliusti... Kak nastaviali dvorianskikh detei* [*Youth is to Guard the Piety... How Noble Children were Instructed*]. Moscow, Lomonosov Publ., 2018. 248 p. (In Russ.)
- 3 Bulakhovskii, L.A. *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka. Leksika i obshchie zamechaniia o sloge* [*Russian Literary Language of the First Half of the 19th Century. Lexicon and General Remarks on the Syllable*]. Kiev, Kiev State University Publ., 1957. 491 p. (In Russ.)
- 4 Vorob'ev, Ju.K. *Zapadnoevropeiskie iazyki v russkoi kul'ture XVIII veka* [*West European Languages in Russian Culture of the 18th Century*]. Saransk, Mordovia State University Publ., 2007. 232 p. (In Russ.)
- 5 Egereva, T.A. *Russkie konservatory v sotsiokul'turnom kontekste epokhi kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX vekov* [*Russian Conservatives in the Socio-cultural Context of the Epoch of the End of the 18th – the First Quarter of the 19th Centuries*]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2014. 416 p. (In Russ.)
- 6 Zagriazkina, T.Iu. “Sledy Frantsii v Rossii” [“Traces of France in Russia”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, 2009, pp. 29–42. (In Russ.)
- 7 Letushina, I.A. *Konstanty i peremennye russkoi “pochtovoi prozy” pervoi treti XIX stoletii* [*Constants and Variables of Russian “Postal Prose” of the First Third of the 19th Century*]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2006. 254 p. (In Russ.)
- 8 Litvinov, S.V. *Istoricheskaiia dinamika vzaimodeistviia russkoi kul'tury s kul'turami stran Zapadnoi Evropy (seredina XVI – seredina XIX vv.)* [*Historical Dynamics of Interaction of Russian Culture with the Cultures of Western Europe (mid-16th– mid 19th cc.)*]. Moscow, Knizhnyi dom “Universitet” Publ., 2008. 428 p. (In Russ.)
- 9 Liadov, V.I. *Istoricheskii ocherk stoletnei zhizni Vospitatel'nogo obshchestva blagorodnykh devits i Sanktpeterburgskogo Aleksandrovskogo uchilishcha* [*Historical Sketch of the Centenary Life of the Educational Society of Noble Maidens and St. Petersburg Alexander College*]. St. Petersburg, Tipografiia dukhovnogo zhurnala “Strannik” Publ., 1864. 111 p. (In Russ.)
- 10 Marres, M.L. “E.R. Dashkova i vopros o natsional'nom samosoznanii...” [“Dashkova and the Issue of National Self-consciousness...”]. *E.R. Dashkova i Zolotoi vek Ekateriny: sbornik statei* [*E.R. Dashkova and the Golden Age of Catherine: Collection of Papers*]. Moscow, Moscow Humanitarian Institute Publ., 2006, pp. 51–57. (In Russ.)
- 11 Mel'nikova, L.V., Sekirinskii S.S., Podmazo A.A. and other. *Otechestvennaia voina 1812 goda v kul'turnoi pamiati Rossii* [*Patriotic War of 1812 in the Cultural Memory of Russia*]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)
- 12 Romanovich-Slaviatinskii A. *Dvorianstvo v Rossii ot nachala XVIII v. do otmeny krepostnogo prava* [*The Nobility in Russia from the Beginning of the 17th Century to the Abolition of Serfdom*]. St. Petersburg, 1870. Reprintnoe izdanie, Moscow, Kraft+ Publ., 2003. 328 p. (In Russ.)
- 13 Soc, I.V. *Novyi leksikon ili slovar' na Frantsuzskom, Ital'ianskom, Nemetskom, Latinskom i Rossiiskom iazykakh* [*New Lexicon or Dictionary in French, Italian,*

- German, Latin and Russian Languages*]. Moscow, Universitetskaia tipografiia u N. Novikova Publ., 1784. 667 p. (In Russ.)
- 14 Furazheva, N.S. “Evropeiskaia ideia dvorianskikh zakrytykh uchebnykh zavedenii i ee adaptatsiia v kul'turnom prostranstve Rossii vtoroi poloviny XVIII – pervoi poloviny XIX v.” [“European Idea of Noble Closed Educational Institutions and its Adaptation in the Cultural Space of Russia in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 106–118. (In Russ.)
- 15 *La culture française en Russie (1700–1900), ouvrage couronné par L'Academie des sciences morales et politiques*. Paris, Librairie Hachette et Cie Publ., 1913. 250 p. (In French)